

КЕРАМИКА ГОРОДИЩ ТУШЕМЛЯ И БАНЦЕРОВЩИНА: К ВОПРОСУ О ТУШЕМЛИНСКО-БАНЦЕРОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2018 г. Н.В. Лопатин

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: n.lopatin@gmail.com

Поступила в редакцию 22.05. 2018 г.

В статье сравниваются наборы керамики двух эталонных памятников, от названий которых образованы наименования археологических культур третьей четверти I тыс.н.э. в лесной зоне Поднепровья — городищ Банцеровщина и Тушемля (верхние горизонты культурного слоя). Большинство исследователей считает культуры типа Банцеровщины и Тушемли родственными или объединяет их вместе. Сопоставление наборов керамики показывает, что на фоне самого общего сходства хорошо заметны их отличительные черты. Массовые типы 4 и 8 (с широким верхним краем), хотя и присутствуют на обоих памятниках, но представлены главным образом разными вариантами. Формы с более узким (относительно тулова) краем характерны только для Банцеровщины (типы 16, 36, 7). Яйцевидные сосуды типа 6 с выглаженной поверхностью являются особенностью комплекса Тушемли. Сосуды с ребром немногочисленны на обоих памятниках. Индивидуальными формами представлены миски и несколько маломерных сосудов.

Ключевые слова: Верхнее Поднепровье, лесная зона, I тысячелетие н.э., культурные группы, Тушемля, Банцеровщина, лепная керамика.

DOI: 10.31857/S086960630003388-5

Согласно сложившейся во второй половине XX в. археологической карте для периода третьей четверти I тыс.н.э., Верхнее Поднепровье и Подвинье, а также средняя Белоруссия заняты относительно однородными древностями “типа Тушемля-Банцеровщина”, именуемыми по названиям двух эталонных памятников на востоке и западе ареала. Комплексы верхних горизонтов этих городищ впервые определил как “ближайшие аналоги” П.Н. Третьяков при публикации раскопанного им в 1955–1957 гг. городища Тушемля (Третьяков, 1963. С. 30)

Задача выявления среди древностей второй и третьей четв. I тыс.н.э. лесной зоны Поднепровья мелких территориальных и хронологических групп осознавалась в науке как актуальная уже более 40 лет назад (Щукин, 1975. С. 68); подчеркивалась ее актуальность и позднее (Обломский, 1996. С. 103). Однако и по сей день разделение даже таких крупных общностей, как тушемлинская (тушемлинско-банцеровская) и колочинская культуры, остается противоречивым и декларативным (см.: Лопатин, 2017б). Древности типа Тушемля-Банцеровщина трактуются либо как единая культура (Митрофанов,

1978. С. 123; Горюнов, 1981. С. 47; Седов, 1982. С. 34), либо как две родственные (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 32; Исланова, 2014. С. 28). Впрочем, большого значения этой альтернативе никто из авторов, кажется, не придает, и зачастую “объединительная” и “разделительная” терминологии используются фактически как равнозначные (ср.: Казанский, 2014. С. 80; 2016. С. 195, 207). В ряде случаев исследователи ограничиваются той или иной частью ареала (как правило, в современных пределах России или Белоруссии), также не уделяя серьезного внимания проблеме соотношения рассматриваемой отдельно части с соседними группами (Шмидт, 2003; Шадыра, 1999). Для обозначения культурных групп как правило используются термины, образованные от одного из названий памятников — “тушемлинская культура” (в России) и “банцеровская культура” (в Белоруссии).

При рассмотрении современного состояния проблемы соотношения тушемлинской и колочинской культур был сделан вывод о том, что основным источником для ее разработки остается массовый керамический материал, который до сих пор, по сути дела, полноценно не задейство-

ван ни в одном исследовании (Лопатин, 2017б. С. 65). В данной статье обратимся к сопоставлению двух ключевых керамических комплексов, происходящих с указанных памятников, давших названия культурным группам.

Коллекция городища Банцеровщина, исследованного раскопками С.А. Дубинского в 1926–1928 гг., имела сложную судьбу, но частично сохранилась в депаспортизованном виде и ныне находится в трех музейных собраниях Минска. Она уже публиковалась в том или ином объеме археологами разных поколений (Дубинский, 1927, 1928; Лявданский, 1932; Митрофанов, 1967, 1978; Лопатин, 1993). Материалы раскопок П.Н. Третьякова на городище Тушемля хранятся в Смоленском государственном музее-заповеднике. Публиковались автором раскопок (Третьяков, 1963) и мною (Лопатин, 1995; Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 99 и др.). Общепринятая дата верхнего слоя Банцеровщины – VI–VIII вв. (Митрофанов, 1967. С. 261). Верхний слой Тушемли традиционно датируется этим же временем, однако ряд исследователей, вслед за П.Н. Третьяковым, относил его к позднему рубежу данного периода. В настоящее время, по рассмотрении оснований этой точки зрения, мне представляется более вероятной, наоборот, его ранняя дата – середина I тыс.н.э. (см.: Лопатин, 2017а. С. 150–152).

Остановимся прежде всего на характеристике коллекций. Несмотря на депаспортизованность, керамические материалы Банцеровщины хорошо идентифицированы в целом как происходящие из верхнего горизонта памятника; они морфологически легко отделяются от материалов культуры штрихованной керамики, относящихся к нижнему горизонту того же городища. Всего для публикации удалось привлечь 53 крупных фрагмента (некоторые – предположительно от одних и тех же экземпляров), позволяющих сделать графическую реконструкцию верхней части сосуда (Лопатин, 1993. С. 88). В их числе 8 целых форм (рис. 1, 2, 3, 5, 8), которые не репрезентативны для характеристики всей коллекции, поскольку некоторые из них являются редкими, а ряд наиболее массовых типов целыми сосудами не представлен. Значительная часть коллекции, очевидно, утрачена, поскольку первоначально в ней было 20 целых сосудов верхнего горизонта и до 13 тысяч фрагментов всех периодов (Митрофанов, 1967. С. 249).

Верхний горизонт Тушемли известен серией целых сосудов, находившихся в нескольких помещениях покинутой кольцевой постройки,

которая позднее сгорела. Сосуды были реставрированы и выборочно (10 экз.) опубликованы в виде фото (Третьяков, 1963. С. 69). Более полная подборка фотоснимков сохранилась в отчетной документации в Архиве ИИМК РАН. В фондах Смоленского музея большинство сосудов на момент моей работы с коллекцией хранилось в разбитом виде, но, как оказалось, без серьезных утрат. Практически все сосуды (в количестве 19) удалось подобрать из фрагментов и графически реконструировать (рис. 1, 4, 6, 7, 10, 11). Попутно выяснилось, что в коллекции имеется также керамика верхнего горизонта, оставшаяся за пределами публикации. Это корчага с ребром (рис. 1, 4) и небольшая серия фрагментов венчиков (о них ниже), не имеющих отношения к нижнему и среднему горизонтам памятника (соответственно днепровско-двинской культуры и “типа среднего слоя Тушемли”).

Типологические определения делались в соответствии с системой, разработанной мною в диссертации 2000 г. и наиболее полно опубликованной в совместной монографии (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 30–48). Эта схема, в свою очередь, разрабатывалась на основе типологии из свода памятников киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 46), исправленной и дополненной с целью наиболее адекватно и полно охватить материалы более широкого территориального и хронологического диапазона (включая Верхнее Поднепровье и Подвинье, по третьей четверть I тыс.н.э. включительно). Однако период третьей четверти I тыс. был в той работе периферийным. Теперь, при специальном изучении керамики Банцеровщины и Тушемли, сделаны два дополнения: типы 3 и 8 разделены каждый на два варианта. Не будем останавливаться на подробном описании каждого типа (обозначены цифрами) и варианта (буквы), а укажем на их различия при характеристике коллекций.

Типология разрабатывалась на основе целых форм сосудов, но для достижения корректности сравнения преобладающих численно фрагментов керамики применяется ее модификация, в которой все формы усечены до верхних частей определенного размера (рис. 2, 4). Всё последующее исследование проводится на основе верхних частей сосудов, и только для прояснения спорных вопросов обращаемся к некоторым целым формам. Эмпирически было выяснено, что типологические определения в большинстве случаев возможны для фрагментов, высота которых

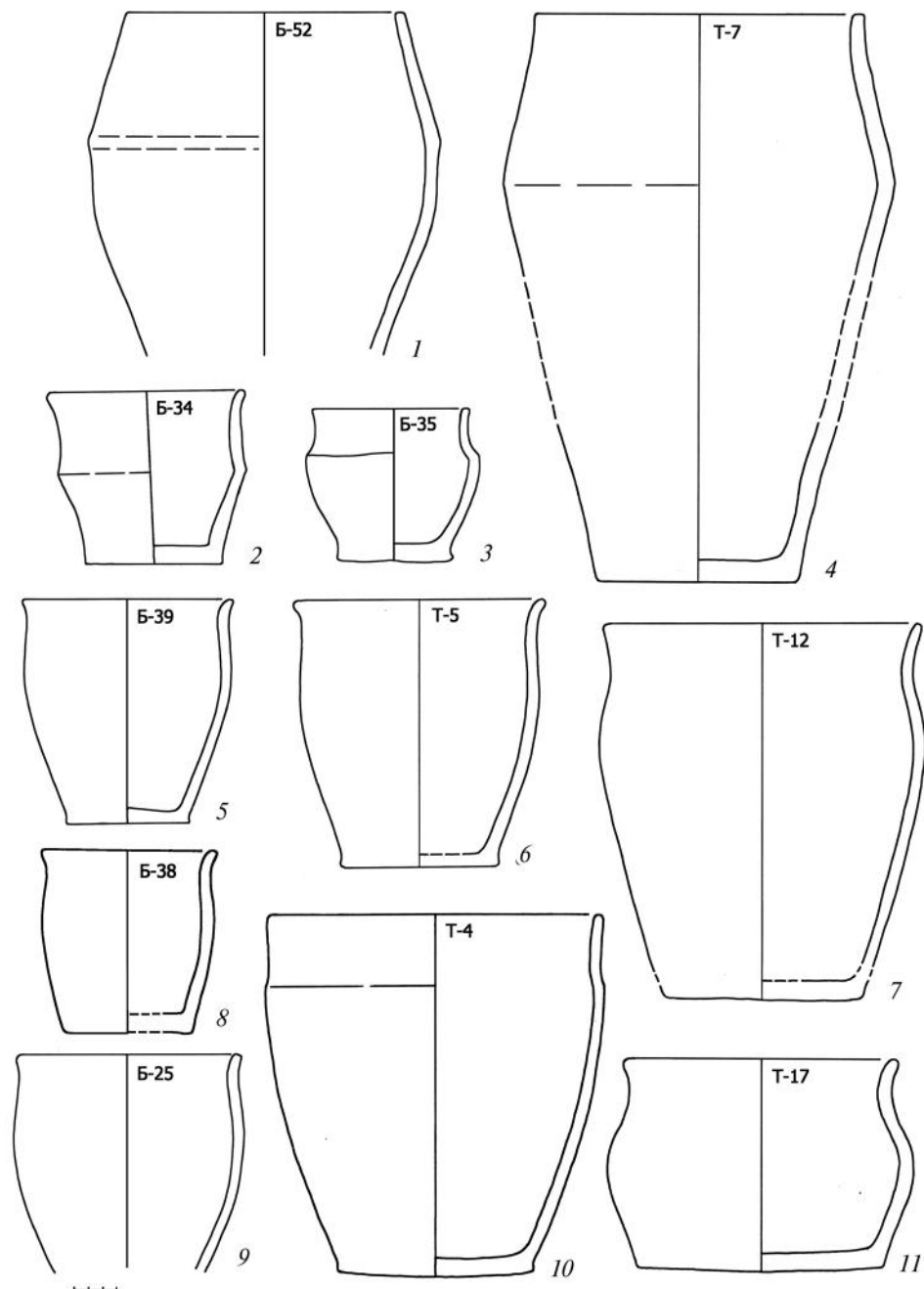

Рис. 1. Некоторые целые формы керамики из верхних горизонтов Банцеровщины (1–3, 5, 8, 9) и Тушемли (4, 6, 7, 10, 11).

Fig. 1. Some whole shapes of pottery from the upper horizons of Bantserovshchina (1–3, 5, 8, 9) and Tushemlya (4, 6, 7, 10, 11)

(от верхнего края) составляет 80% минимального радиуса верхней части сосуда (R_{min} , см. рис. 3). В коллекции Банцеровщины часть фрагментов не удовлетворяла данному критерию и здесь не учитывается. Те же экземпляры, которые незначительно меньше заданного минимума высоты и при этом типологически определимы, приводятся с указанием на уровень 80% в виде засечки, находящейся ниже профиля.

Всего в статье для сравнения удалось привлечь 41 экземпляр керамики Банцеровщины (в том числе не более 37 от разных типологически определимых сосудов и 2 – редких форм за пределами типологии) и 19 – Тушемли (из которых 2 принадлежат мискам, также за пределами типологии). Выборка на первый взгляд небольшая, однако она количественно вполне обычна для памятников изучаемого культурного круга и по-

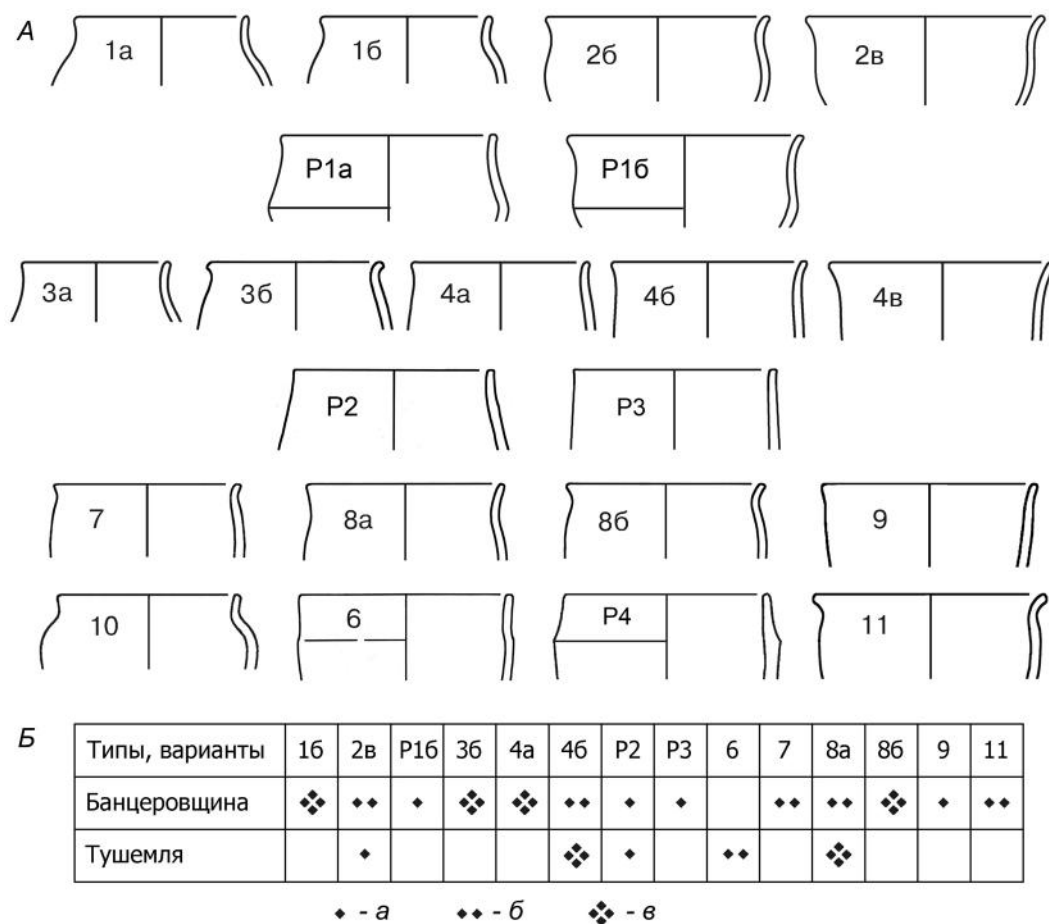

Рис. 2. Типология керамики второй – третьей четверти I тыс.н.э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье: А – типы и варианты керамики; Б – количественное соотношение типов и вариантов керамики в материалах Банцеровщины и Тушемля (а – 1 экз.; б – 2–4 экз.; в – 5 и более экз.).

Fig. 2. Typology of pottery of the second – third quarters of the 1st millennium AD in the Upper Dnieper and Dvina regions

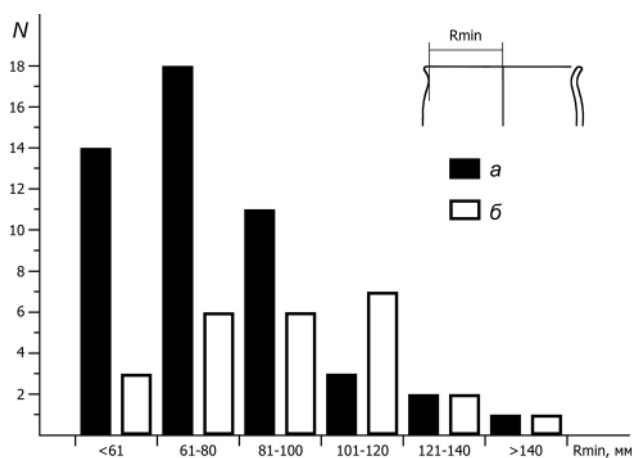

Рис. 3. Распределение размеров сосудов согласно признаку Rmin (а – Банцеровщина, б – Тушемля).

Fig. 3. Distribution of vessel sizes according to Rmin (а – Bantserovshchina, б – Tushemlya)

этому является тем источником, который расширить в большинстве случаев невозможно. Вся эта керамика представлена на рисунках (рис. 1, 4–8). Поскольку многие фрагменты очень сходны друг с другом, для индивидуализации на них указаны индексы согласно картотеке автора, они же упрощают сопоставление фрагментов с целыми формами тех же сосудов (рис. 1).

Обратимся сперва к основной массе керамики, профили которой имеют два плавных перегиба (в форме буквы S). Отдельные экземпляры отличаются друг от друга пропорциями элементов этой фигуры, степенью плавности/резкости, закрытости/открытости. Различия нарастают постепенно, и в целом эту совокупность керамики можно воспринимать как единое “облако форм” с наибольшими различиями на удаленных друг от друга краях. Сходным образом построена и типологическая таблица, в каждом горизонтальном

ряду которой собраны экземпляры с похожим абрисом тулова и плеча, а слева направо нарастает открытость форм. Резких границ между типами и вариантами зачастую нет, так что система имеет в большей мере служебный, технический смысл: она позволяет наметить локализацию того или иного комплекса, набора посуды в пределах единого “облака форм”.

Даже поверхностный взгляд на собранные материалы (рис. 4–8) приводит к выводу, что керамика Банцеровщины представлена более мелкими сосудами, формы которых при этом более закрытые (сужающиеся кверху)¹. Поскольку данных об объемах сосудов не много, продемонстрируем различия в размерах на примере распределения значений признака Rmin (рис. 3). Можно предположить, что в керамическом наборе Тушемли оказались отобраны сосуды определенных категорий (в первую очередь крупные сосуды для хранения), поскольку характер их расположения *in situ* в пределах помещений постройки последнего периода свидетельствует о том, что этот комплекс не связан с обычным поселенческим культурным слоем². Однако среди керамики Банцеровщины есть крупные экземпляры закрытых форм (рис. 6, 7, 13), и это говорит о том, что признак раскрытости/закрытости обусловлен главным образом не размерами и назначением горшков, а культурными традициями.

В наборе Тушемли особенно заметна группа из 13 сосудов, которая делится на два варианта — 4б (рис. 4, 1–6) и 8а (рис. 4, 7–13). Отгиб края у них сходный, диаметры по верху и по тулову близки друг другу, а верхняя часть тулова у первых имеет почти прямую стенку, близкую к вертикали, у вторых — слегка выпуклую и сужающуюся к шейке. К первым примыкает фрагмент “огромной корчаги” (Третьяков, 1963. С. 67), переходный к варианту 2в (рис. 5, 8), о котором речь будет ниже, а также фрагмент еще одного очень крупного, но сильно деформированного в огне сосуда (рис. 5, 7).

Приняв эти 13 сосудов за точку отсчета, выясним отличия наиболее массовой части набора

¹ Знак у правого верхнего края профиля сосуда на рис. 5–8 означает приблизительность установки фрагмента относительно вертикали.

² В том числе была открыта замечательная группа из 9 горшков в кв. 53 и 54, восемь из которых составляли пары: в больший сосуд вставлен меньший (рис. 4, 4 и 9; 5 и 8; 6 и 7; 10 и 11; 3). Вторая по численности группа — 4 горшка в кв. 109 (рис. 4, 1, 12, 13; 5, 1).

Банцеровщины. Здесь есть экземпляры, очень похожие на тушемлинские: к варианту 4б относятся 3 экз. (рис. 6, 21–23), а к 8а — два (рис. 7, 3, 4). Однако преобладают другие варианты тех же типов: 4а, отличающийся от 4б некоторой наклонностью стенок тулова (рис. 6, 14, 17–20), и 8б, который, в отличие от 8а, имеет более резкую профилировку верхней части (рис. 7, 5–10) и, таким образом, занимает переходное положение по отношению к типу 11, у которого эта профилировка еще более подчеркнута (рис. 7, 11).

Некоторые фрагменты одного и того же сосуда тяготеют к разным типам и вариантам (напр., рис. 6, 14 и 15), что является обычным явлением для раннесредневековой лепной керамики лесной зоны. Так, второй фрагмент (рис. 7, 12) вышеупомянутого сосуда типа 11 занимает положение, переходное между типами 11 и 2в. К последнему по формальным признакам (вертикальные стенки тулова, имеющие внизу заметный закругленный перегиб к сужению) относятся еще два экземпляра (рис. 7, 1, 2). Из них один, очень крупный, выделяется тонкими стенками и выглаженной поверхностью (рис. 7, 2). Все экземпляры варианта 2в — и с Тушемли (выше), и с Банцеровщины — отличаются от классического прототипа этой формы, выделенной по материалам киевской культуры, пониженным расположением перегиба тулова, что делает их переходными к типу 4 (вариантов б и в). Есть в коллекции и единичный экземпляр типа 9 (рис. 7, 13), определяемого по сужающимся книзу стенкам, без какой-либо шейки.

В материалах Банцеровщины многочисленны формы, сужающиеся к краю. Варианты 1б (рис. 6, 3, 5–8, 15) и 7 (рис. 6, 1, 2, 4), имеющие закругление траектории стенки тулова, различаются степенью его выпуклости (более сильная у 1б). У варианта 3б тулово расширяется книзу прямолинейно (рис. 6, 9–13). Границы между перечисленными тремя таксонами размыты, как и между рядом других.

Небольшой серией среди сосудов из комплекса сгоревшей круговой постройки Тушемли представлены сосуды типа 6, которые можно называть яйцевидными — с выпуклым нерасчлененным туловом и оформлением верха в двух вариантах — с загнутым внутрь краем или прямым, отделенным от тулова легким уступом (рис. 1, 10; 5, 1–3). Дополнительный их общий признак — лощеная или выглаженная поверхность. В единственном экземпляре найден крупный сосуд

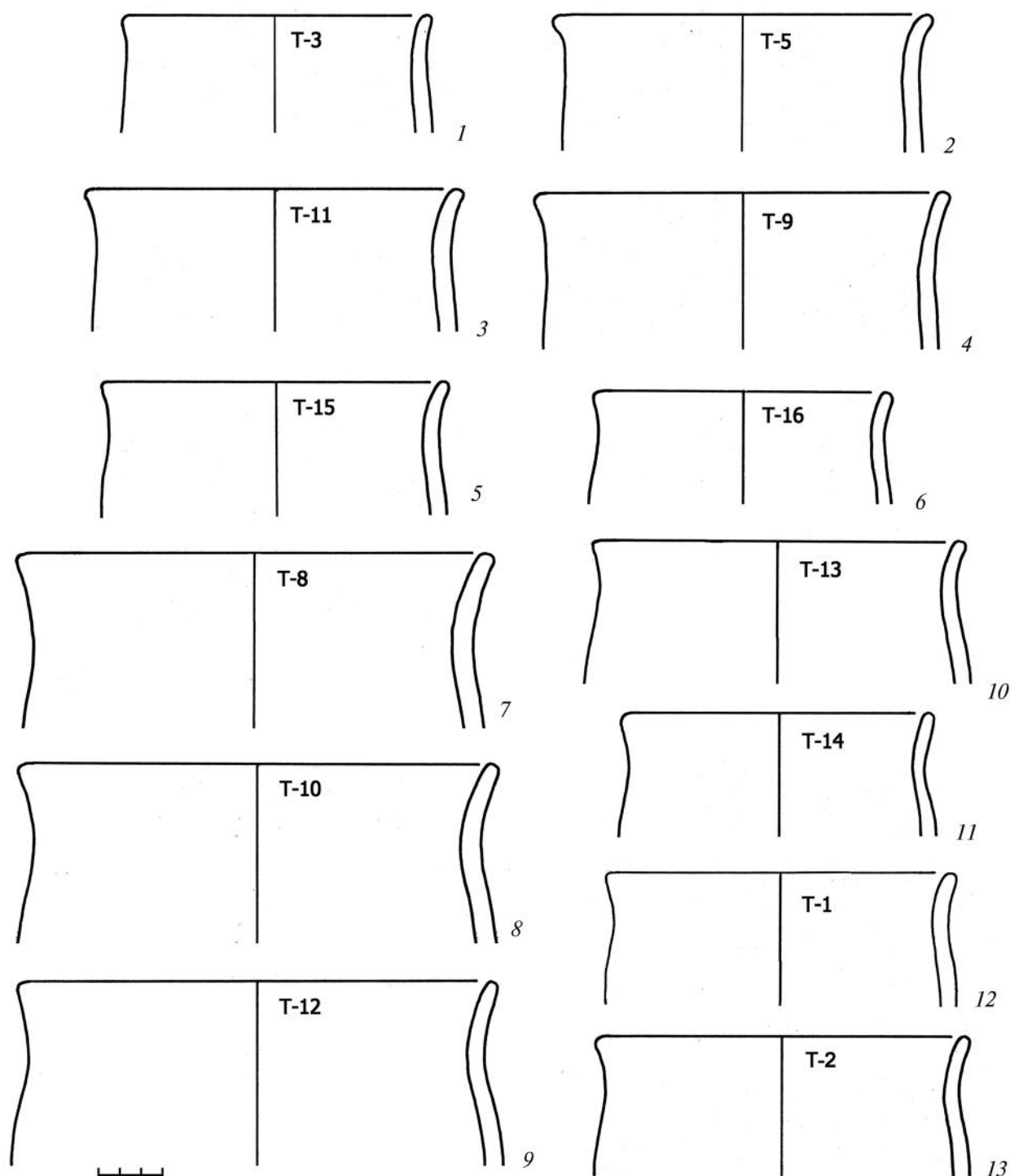

Рис. 4. Керамика типов 4 и 8 городища Тушемля.

Fig. 4. Pottery of types 4 and 8 from the Tushemlya fortified settlement

с ребром типа Р-2 (рис. 1, 4; 5, 6), не упомянутый в публикации П.Н. Третьякова. Формой профиля, толстостенностью и примесью крупного шамота (наряду с дресвой) он близок керамике киевской культуры Подесенья, хотя и отличается от всех аналогов стройностью пропорций.

В этот же комплекс входят две глубокие миски: во-первых, с лощеной поверхностью, уступом и раструбообразным верхом (рис. 5, 4), во-вторых, грубая, S-образного профиля (рис. 1, 11; 5, 5). Первая стилистически близка вышеупомянутым горшкам типа 6 с уступом, вто-

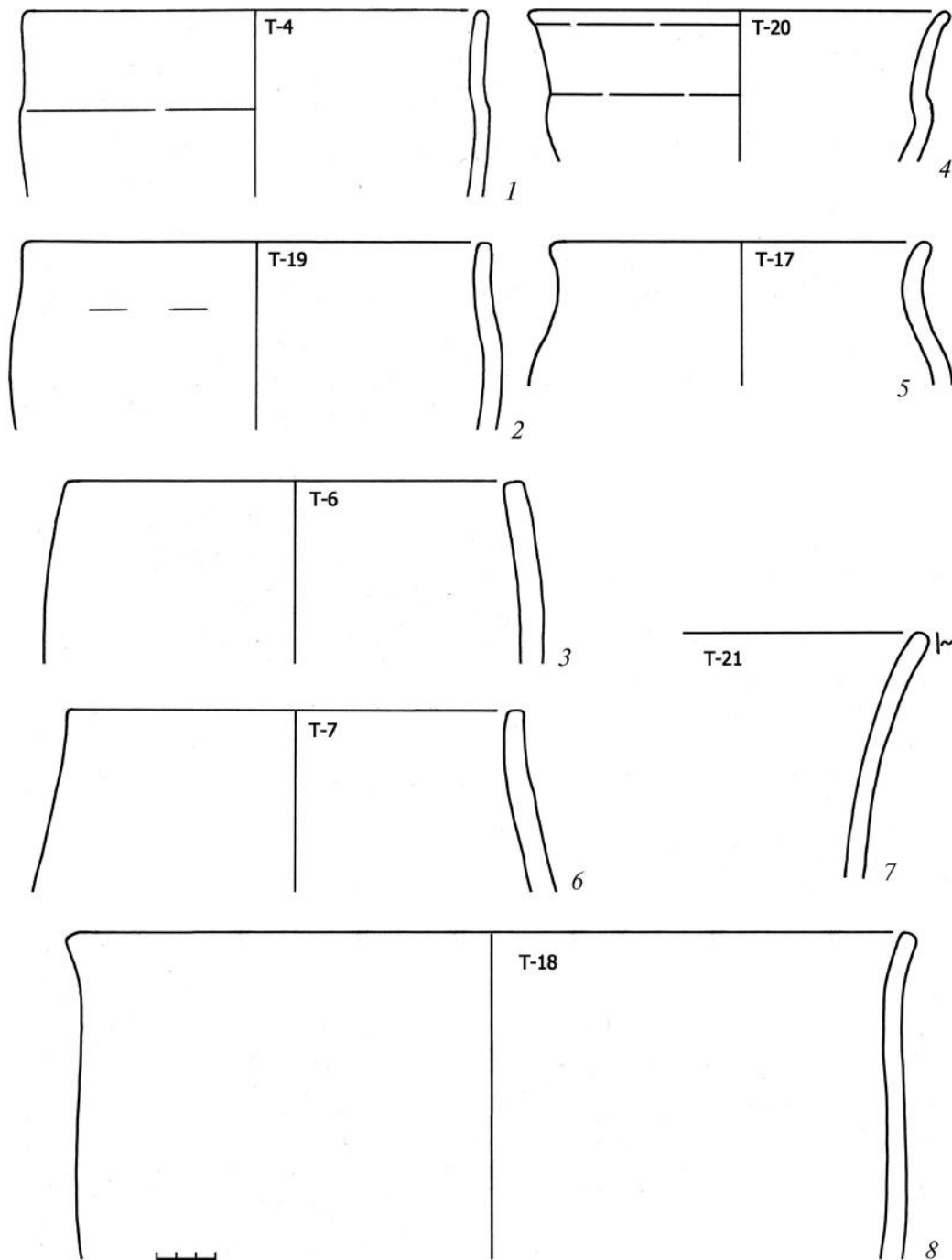

Рис. 5. Керамика разных типов городища Тушемля.

Fig. 5. Pottery of different types from the Tushemlya fortified settlement

рая — основной массе горшковидных сосудов комплекса³.

³ Непонятно, почему автором раскопок к комплексу сгоревшей постройки отнесены еще два сосуда — третья миска и малая чашечка (Третьяков, 1963. С. 67–69. Рис. 27: 1; 29: 8). Это отнесение опровергается материалами полевой документации (Третьяков, 1955, 1957) и паспортами находок, из которых следует, что эти экземпляры керамики ни в плане, ни стратиграфически к этому комплексу не относятся.

Помимо рассмотренного комплекса сосудов, к верхнему горизонту Тушемли относится небольшое количество разрозненных фрагментов керамики (рис. 8, 1–8), что свидетельствует о наличии незначительных следов культурного слоя этого времени, предшествовавшего сооружению и пожару постройки. Фрагменты в основном мелкие, но некоторые из них могут быть

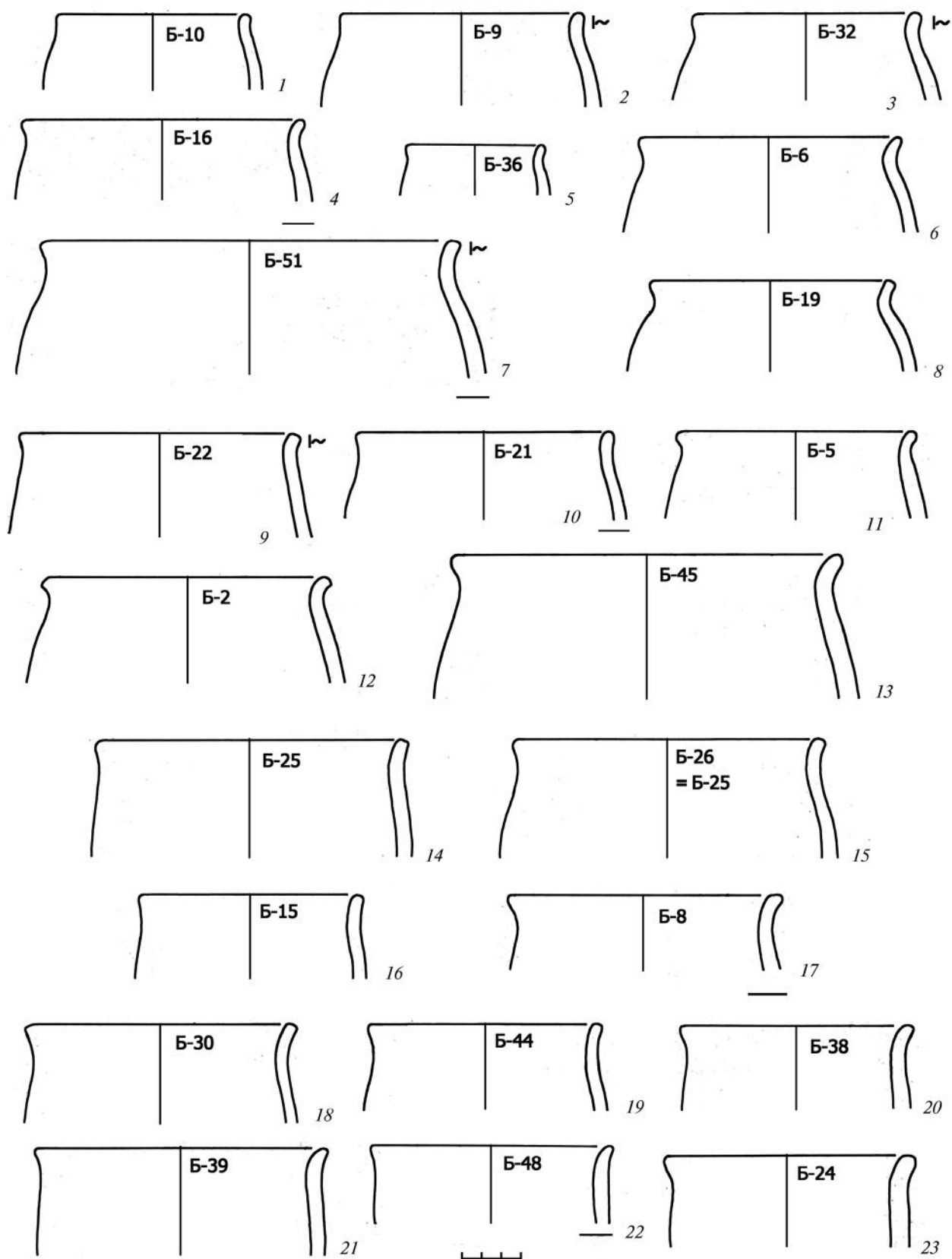

Рис. 6. Керамика городища Банцеровщина.

Fig. 6. Pottery of the Bantserovshchina fortified settlement

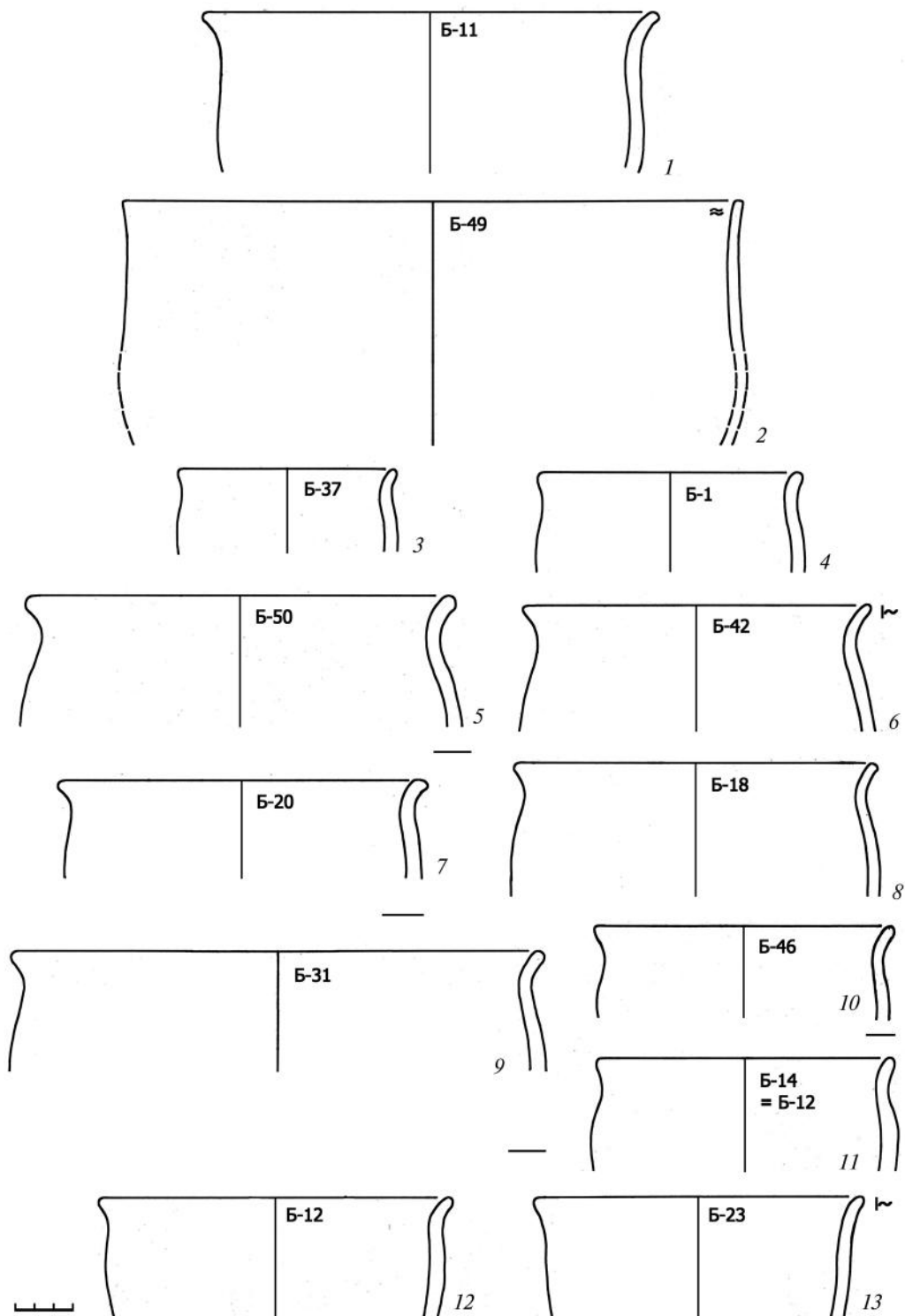

Рис. 7. Керамика городища Банцеровщина.

Fig. 7. Pottery of the Bantserovshchina fortified settlement

сопоставлены с керамикой из постройки. Прямые венчики с уплощенным краем (рис. 8, 1–3) перекликаются с вышеупомянутым сосудом типа Р2. Фрагмент сосуда с уступом (рис. 8, 5), покрытый грубым лощением, продолжа-

ет серию горшков типа 6. Фрагмент стенки ложенной миски (рис. 8, 4), скорее всего, однотипен целой миске с уступом. Три фрагмента малых сосудов (рис. 8, 6–8) могут быть отнесены к типу 9, но лишь предположительно:

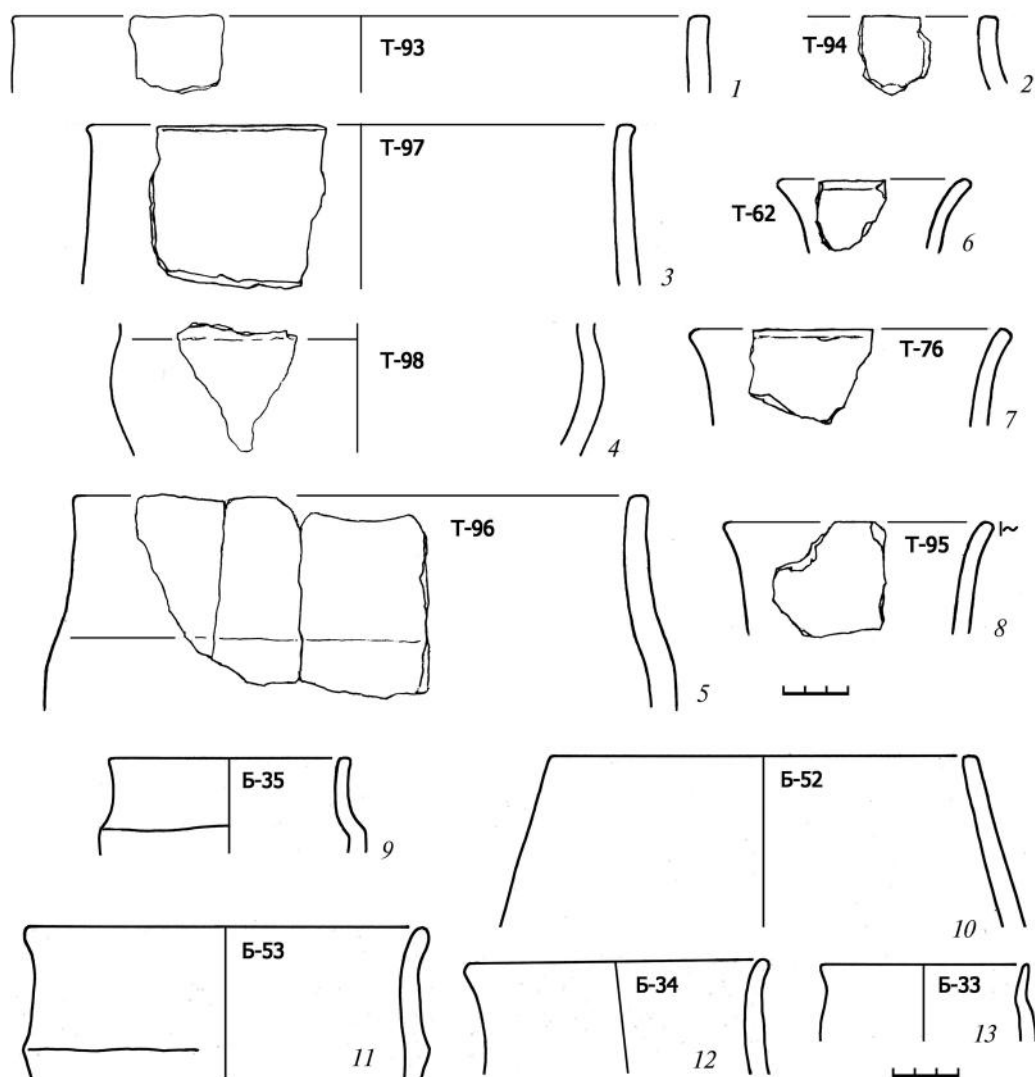

Рис. 8. Фрагментарная керамика Тушемли (1–8) и редкие формы керамики Банцеровщины (9–13).

Fig. 8. Ceramic fragments from Tushemlya (1–8) and rare shapes of the Bantserovshchina pottery (9–13)

в таком размере хорошие аналогии им мне неизвестны.

В наборе керамики Банцеровщины ряд примечательных форм представлен единичными экземплярами. В первую очередь это разные варианты реберчатых сосудов: P16 (рис. 8, 11), P3 (рис. 1, 2; 8, 12), P2 с оформлением ребра валиком (рис. 1, 1; 8, 10). Интересно, что последний очень похож по пропорциям на сосуд того же типа с Тушемли (см.: рис. 1, 1, 4). Еще два небольших сосуда (рис. 1, 3; 8, 9; 8, 13) имеют индивидуальные формы.

Сопоставление наборов керамики (рис. 2, Б) показывает, что на фоне самого общего сходства хорошо заметны их отличительные черты. Массовые типы 4 и 8 (с широким верхним краем), хотя и присутствуют на обоих памятниках,

но представлены главным образом разными вариантами. Формы с более узким (по сравнению с туловом) краем характерны только для Банцеровщины (типы 16, 36, 7). Яйцевидные сосуды типа 6 с выглаженной поверхностью являются особенностью комплекса Тушемли. Сосуды с ребром немногочисленны на обоих памятниках. Индивидуальными формами представлены миски и несколько маломерных сосудов.

Проблема культурного единства памятников типа Тушемля-Банцеровщина на материале двух памятников, хоть и эталонных, нерешаема. Можно лишь предполагать, что два рассмотренных керамических набора представляют разные варианты родственных традиций. Тем не менее

на основе выполненного исследования следует планировать дальнейшее сравнение керамических наборов памятников изучаемого культурного круга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. 136 с.
- Дубінскі С.А. Varia // Гістарычна-археолёгічны зборнік. № 1. Менск, 1927. С. 360.
- Дубінскі С.А. Досьледы культур жалезнага пэрыяду на Віцебшчыне, Магілёўшчыне і Меншчыне // Працы катэдры археолёгіі Інстытуту беларускай культуры. Т.І. Менск, 1928. С. 278–282.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.
- Исланова И.В. Памятники типа Подол (культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс.н.э.) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014 (Раннеславянский мир; вып. 15). С. 26–44.
- Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014 (Раннеславянский мир; вып. 15). С. 45–142.
- Казанский М.М. Водные пути из Балтики к Черному морю в поздне римское время и в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2016. № 4. С. 191–241.
- Лопатин Н.В. Керамический комплекс верхнего слоя городища Банцеровщина // Archaeoslavica-2 / Pod redakcją M. Parczewskiego. Kraków, 1993. С. 87–97.
- Лопатин Н.В. Тушемля, Демидовка, Колочин: о соотношении керамики верхних слоев // КСИА. 1995. Вып. 195. С. 9–15.
- Лопатин Н.В. Несколько заметок о верхнем слое городища Тушемля // De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н.А. Кренке. Смоленск: Свиток, 2017а. С. 149–156.
- Лопатин Н.В. О тушемлинской и колочинской культурах // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского. М.: ИА РАН, 2017б (Раннеславянский мир; вып. 19). С. 63–69.
- Лопатин Н.В., Фурсов А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 8). 252 с.
- Лявданский А.Н. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7, 8. С. 54–61.
- Митрофанов А.Г. Банцеровское городище // Белорусские древности: докл. к конф. по археологии Белоруссии. Минск: [Б. и.], 1967. С. 243–261.
- Митрофанов А.Г. Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н.э. – VIII в.н.э.). Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.
- Обломский А.М. Колочинская культура // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: [Б. и.], 1996 (Раннеславянский мир; вып. 3). С. 96–108.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982 (Археология СССР). 328 с.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры: (Свод археологических источников). Киев: Наукова думка, 1992. 221 с.
- Третьяков П.Н. [Городище Тушемля. Отчеты, описи, дневники] // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 85, 86, 110, 112. 1955, 1957.
- Третьяков П.Н. Древние городища Смоленщины // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3–140.
- Шадыра В.І. Банцараўская культура // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і раньняе сярэднявечча / Навук. рэд.: В.І. Шадыра, В.С. Вяргей. Мінск: Беларуская навука, 1999. С. 359–375.
- Шмидт Е.А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв.н.э. Тушемлинская культура. Смоленск: [Б. и.], 2003. 296 с.
- Шукин М.Б. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян (по поводу статей Э.А. Рикмана, И.С. Винокура, В.В. Седова и И. Вернера) // СА. 1975. № 4. С. 57–70.

POTTERY OF THE TUSHEMLYA AND BANTSEROVSHCHINA FORTIFIED SITES: ON THE ISSUE OF THE TUSHEMLYA-BANTSEROVSHCHINA CULTURE

© 2018 Nikolay V. Lopatin

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: n.lopatin@gmail.com

The article compares the pottery assemblages from the two standard sites whose names were used to identify archaeological cultures of the third quarter of the 1st millennium AD in the forest zone of the Dnieper region, the fortified sites of Bantserovshchina and Tushemlya (the upper horizons of the cultural layer). Most researchers either consider cultures of Bantserovshchina and Tushemlya type related or unite them. Comparison of the pottery assemblages shows that their distinctive features are clearly visible against the background of most general similarity. Frequent types 4 and 8 (with a wide upper edge), although present on both monuments, are represented mainly by different variants. Shapes with a narrower (relative to the trunk) edge are characteristic only of Bantserovshchina (types 1b, 3b, 7). Egg-shaped vessels of type 6 with smoothed surface is a feature of the Tushemlya assemblage. Ribbed vessels are few in both sites. Bowls and a few small vessels represent individual shapes.

Keywords: the upper Dnieper region, forest zone, 1st millennium AD, cultural groups, Tushemlya, Bantserovshchina, hand-made pottery.

REFERENCES

- Goryunov E.A., 1981. Rannie etapy istorii slavyan Dneprovskogo Levoberezh'ya [The early history of the Slavs of the Dnieper's left bank]. Leningrad: Nauka. 136 p.
- Dubinski S.A., 1927. Varia. Gistarychna-arkheolögichny zbornik [Historical and Archaeological Collection of Articles], 1, Minsk, p. 360 (In Belarusian).
- Dubinski S.A., 1928. Studies on the Iron Age cultures in Vitebsk, Minsk and Mogilev regions. Pratsy katedry arkheolögii Instytutu belaruskay kul'tury [Transactions of the Archaeology Department of the Institute for the Belarusian Culture], 1. Minsk, pp. 278–282 (In Belarusian).
- Eremeyev I.I., Dzyuba O.F., 2010. Ocherki istoricheskoy geografii lesnoy chasti puti iz varyag v greki [Studies on the historical geography of the forest part of the Route from the Varangians to the Greeks]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 670 p.
- Islanova I.V., 2014. The Podol type sites (cultural contacts of the Upper Volga region's population in the third quarter of the 1st millennium AD). Problemy vzaimodeystviya naseleeniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Issues of the interaction of the Eastern Europe's population during the Great Migration Period]. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 26–44. (Rannoslavyskiy mir, 15). (In Russ.)
- Kazanskiy M.M., 2014. Archaeological situation in the Middle Dnieper region in the 7th century. Problemy vzaimodeystviya naseleeniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Issues of the interaction of the Eastern Europe's population during the Great Migration Period]. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 45–142. (Rannoslavyskiy mir, 15). (In Russ.)
- Kazanskiy M.M., 2016. Water routes from the Baltic to the Black Sea in the late Roman period and in the Great Migration period. Stratum plus, 4, pp. 191–241. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 1989 Tushemlya, Demidovka, Kolochin: correlation of the pottery from the upper layers. KSIA [Brief Communications of the Institute of Archeology], 195, pp. 9–15. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 1993. The ceramic complex of the upper layer of the Bantserovshchina fortified settlement. Archaeoslavica-2. M. Parczewski, ed. Kraków, pp. 87–97. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 2017a. Notes on the upper layer of the Tushemlya fortified settlement. De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya: sbornik statey k 60-letiyu N.A. Krenke [De mare ad mare. Archaeology and history: collected articles dedicated to the 60th anniversary of N.A. Krenke]. Smolensk: Svitok, pp. 149–156. (In Russ.)
- Lopatin N.V., 2017b. About the Tushemlya and Kolochin cultures. Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur: K 60-letiyu A.M. Oblomskogo [Europe from La Tene to the Middle Ages: the barbaric world and the birth of Slavic cultures: to the 60th anniversary of A.M. Oblomsky]. Moscow: IA RAN, pp. 63–69. (Rannoslavyskiy mir, 19). (In Russ.)
- Lopatin N.V., Furas'yev A.G., 2007. Severnye rubezhi rannoslavyskogo mira [Northern frontiers of the Early Slavic world]. Moscow: IA RAN. 252 p. (Rannoslavyskiy mir, 8).
- Lyavdanskiy A.N., 1932. Archaeological research in the Belarussian SSR after the October Revolution. Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Communications of the State Academy of the History of Material Culture], 7–8, pp. 54–61. (In Russ.)
- Mitrofanov A.G., 1967. The Bantserovshchina fortified settlement. Belorusskie drevnosti: doklady k konferentsii po arkheologii Belorussii [Belarusian antiquities: reports to the conference on the archaeology of Belarus]. Minsk, pp. 243–261.
- Mitrofanov A.G., 1978. Zheleznyy vek Sredney Belorussii (VII–VI vv. do n.e. – VIII v.n.e.) [The Iron Age of Middle

- Belarus (7th – 6th centuries BC – 8th century AD)]. Minsk: Nauka i tekhnika. 160 p. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M.*, 1996. The Kolochin culture. *Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst [Gaponovskiy hoard and its cultural and historical context]*. Moscow, pp. 96–108. (Ranneslavyanskiy mir, 3). (In Russ.)
- Sedov V.V.*, 1982. Vostochnye slavyane v VI–XIII vv. [Eastern Slavs in the 6th – 13th centuries]. Moscow: Nauka. 328 p. (Arkheologiya SSSR).
- Terpilovskiy R.V., Abashina N.S.*, 1992. Pamyatniki kievskoy kul'tury: (Svod arkheologicheskikh istochnikov) [Sites of the Kiev culture: (a catalogue of archaeological sources)]. Kiev: Naukova dumka. 221 p.
- Tret'yakov P.N.* Gorodishche Tushemlya. Otchety, opisi, dnevniki [The fortified settlement of Tushemlya. Reports, inventories, diaries]. *Rukopisnyy otdel Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk [Manuscript Division of the Scientific Archives of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]*, F. 35, Op. 1, Ed. khr. 85, 86, 110, 112. 1955, 1957.
- Tret'yakov P.N.*, 1963. Ancient fortified settlements of Smolensk region. *Tret'yakov P.N., Shmidt E.A. Drevnie gorodishcha Smolenshchiny [Ancient fortified settlements of Smolensk region]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 3–140. (In Russ.)
- Shadyra V.I.*, 1999. The Bantserovshchina culture. *Arkheologiya Belarusi [Archaeology of Belarus]*, 2. Zhalezny vek i rannyye syar-ednyavechcha [The Iron Age and the Early Middle Ages]. V.I. Shadyra, V.S. Vyargey, eds. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 359–375. (In Belarusian).
- Shmidt E.A.*, 2003. Verkhneye Podneprov'ye i Podvin'ye v III–VII vv.n.e. Tushemlinskaya kul'tura [The Upper Dnieper and Dvina regions in the 3rd – 7th centuries AD. The Tushemlya culture]. Smolensk. 296 p.
- Shchukin M.B.*, 1975. Some issues of the Chernyakhov culture and the origin of the Slavs (to the articles by E.A. Rikman, I.S. Vinokur, V.V. Sedov and I. Werner). *Sovet. Arkheol.*, 4, pp. 57–70. (In Russ.)